

Цикл «Губернский детектив»

Происшествие в городе Т.

Кроваво-красные бисквиты

След механической обезьяны

Смерть в салоне восковых фигур

Сердце жаворонка

Губернский детективъ

ЛЕВ

БРУСИЛОВ

Кроваво-красные
бисквиты

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Иллюстрация *Nictorien*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Дизайн обложки *Радия Фахрутдинова*

Брусилов, Лев.

Б89 Крово-красные бисквиты / Лев Брусилов. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-243069-5

В губернском городе Татаяре новое преступление: отравлены городской голова Скворчанский и его кухарка. Пирожные с ядом были из лавки итальянского кондитера синьора Джотто, и судебный следователь быстро находит виновного.

Однако новый губернатор сомневается в этом и поручает начальнику сыскной полиции барону фон Шпинне лично разобраться в деле. Фома Фомич понимает, что разгадка не может лежать на поверхности и на самом деле преступление выгодно совсем другим людям.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Брусилов Л., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243069-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Тринадцать пирожных	7
Глава 2. Разговор следователя с прокурором	21
Глава 3. Прерванный обед	28
Глава 4. Новое отравление	37
Глава 5. Кто купил вафельный рожок?	49
Глава 6. Допрос Джотто	63
Глава 7. «Флорентийская смесь»	75
Глава 8. Самоубийство	91
Глава 9. Джотто узнает о смерти Марко	98
Глава 10. Разговор фон Шпинне со следователем	110
Глава 11. Допрос Кануровой	121
Глава 12. Джотто ошеломлен	133
Глава 13. Канурова сознается	141
Глава 14. Разговор фон Шпинне с губернатором	151
Глава 15. По дороге в Сорокопут	161
Глава 16. Гостиница	174
Глава 17. Девушка Прудникова	189
Глава 18. Разговор в гостиничном номере	203
Глава 19. Мамыкина	213

Глава 20. Старая могила	218
Глава 21. Подкидной дурак	231
Глава 22. Сорокопутовский исправник	242
Глава 23. Эксгумация	258
Глава 24. По дороге в Татаяр	272
Глава 25. Расследование продолжается	283
Глава 26. Долгожданный след	294
Глава 27. Снова нужно ехать в Сорокопут	310
Глава 28. Вторая поездка в Сорокопут	321
Глава 29. Бабка Щетиниха	339
Глава 30. Спаренный кистень	351
Глава 31. Дорога на Самарканд	368
Глава 32. Мужская слабость	375
Глава 33. Манефа	385
Глава 34. Деревня Шаповалово	402
Глава 35. Брат старосты	416
Глава 36. Майор Шестаков	425
Глава 37. Дальнейшие планы	438
Глава 38. Вторая беседа с майором Шестаковым	447
Глава 39. Еще одна эксгумация	456
Глава 40. Это называется – справедливость! . . .	466

ГЛАВА 1

ТРИНАДЦАТЬ ПИРОЖНЫХ

Тот страшный день, запустивший череду ужасных и загадочных событий в губернском городе Татаяре, начинался на удивление мирно и буднично. Впоследствии никто из участников тех памятных событий не мог припомнить ничего странного или необычного. Все было как всегда.

Ровно в восемь часов утра распахнулась дверь кондитерской «Итальянские сладости», что на Почтовой. На улицу, громко и весело шумя, выбежали несколько мальчишек десяти-двенадцати лет, одетых в одинаковые синие костюмы, на головах фуражки с лаковыми козырьками. Мальчики служили там посыльными: каждое утро разносили свежие пирожные богатым клиентам.

В городе это была новая мода — не отправлять за бисквитами свою прислугу, а ждать, когда их принесет посыльный. Моду эту завел итальян-

ский подданный Джузеппе Джотто, полтора года назад открывший в Татайре кондитерскую, которая за короткий срок приобрела пугающую популярность у местных сладкоежек.

Завоевать публику, любящую сладкое, сеньору Джотто помогли три вещи.

Первое мы уже упомянули: Джотто организовал службу доставки. Это было удобно, необычно и, главное, по-европейски, что высоко ценилось в русской провинции. Манящее слово «Европа» часто слетало с губ гуляющих возле кондитерской и заглядывающих в ее мытые окна обывателей.

Второе, Джотто, надо отдать ему должное, был настоящим кондитером, умело сочетающим вкус и красоту. Его пирожные были истинными произведениями кулинарного искусства.

Ну и третье, пожалуй самое главное, — это знаменитая красная глазурь. Она варилась по секретному рецепту, полученному кондитером от бабушки, служившей, по словам Джотто, кухаркой при дворе герцога Тосканского. Бабушка прошептала рецепт, уже находясь на смертном одре. Его слышал только внук. Разумеется, состав этой глазури никто, кроме Джотто, не знал. Ни одной живой душе он рецепт не рассказывал, как зеницу ока берег бабушкину тайну. Глазурь делал сам, на канонерский выстрел не подпуская никого к «чудотворству».

Пирожные, облитые ею, раскупались мгновенно, не успев остыть, не говоря уже о том,

чтобы зачерстветь или высохнуть. Прочие кондитеры пытались воспроизвести глазурь, но ничего не выходило или выходило только наполовину. У кого-то получался похожий вкус, зато цветом глазурь больше напоминала морковный кисель, чем тосканскую кровь. У других — наоборот, цвет выходил еще туда-сюда, но со вкусом была беда. Так и мучились.

Пока татарские кондитеры экспериментировали, клиент их уходил к сеньору Джотто. У него было лучше, вкуснее, чище и отношение душевнее. Это не могло не вызвать со стороны губернских производителей сладкого неприязнь к итальянскому вторжению.

«...Как-то раньше жили, ели ромовую бабу, и ничего вкуснее в мире не было. Так ведь нет, приехал из-за моря отяпа черноглазая и давай пристойную публику совращать. И что удивительно — совратил! Понапридумывал тут безеев всяких, кулебяка уж не в почете! Да мы с этой кулебякой почитай полмира захватили, а он — свинячья еда. Это что же выходит, итальяшка мелкопузый на устои наши замахивается? И куда только власти смотрят?»

А власти смотрели в правильном, цивилизованном, направлении. Сам городской голова Скворчанский стал клиентом Джотто. Так пристрастился к его выпеченным в виде сердечек красным бисквитам, что каждое утро съедал не

менее дюжины. За это от местных острословов получил прозвище — Сердцеед.

После этого местное пирожковое сообщество и вовсе впало в уныние: если и городской голова на стороне врага, то у кого тогда просить защиты? Только если... все чаще взгляды кондитеров поднимались к небу.

Поговаривали, что в отчаянии ходили пекари в молебельный дом старообрядцев на Прохоровке и там заказали специальный молебен, дабы известить в Татаяре заморские сиропы. И будто бы поп тамошний взялся молебен этот отслужить... Может, правда, а может, врут люди!

Посыльные буквально разлетелись в разные стороны, неся в руках перетянутые цветными ленточками свертки темно-бежевой бумаги. Объемистый пакет с красной лентой, предназначавшийся городскому голове, был у самого быстрого и аккуратного из всех работающих у Джотто посыльных — Марко. Мальчику только исполнилось одиннадцать лет. Он был любимцем хозяина. Имел черные вьющиеся волосы, смуглое лицо и всем своим видом походил на итальянца, хоть злые языки и говорили, что никакой он не итальянец, а цыганенок. Будто бы подобрал его Джотто еще прошлым августом, когда тот из-за вывихнутой ноги отстал от табора. Выходил, дал имя Марко и сделал посыльным. Наверное, так оно и было.

Если другие мальчики были еще только на полпути к своим клиентам, то Марко уже стоял перед массивной входной дверью дома Скворчанского и дергал за низко висящий шнур колокольчика.

Дверь тут же открылась. Посыльного ждали. На порог, чуть приподнимая платье, вышла улыбающаяся горничная Варвара. Лицо круглое, довольное, обсыпанное веснушками, точно кулич на Пасху цветным пшеном. Посмотрела на Марко и, приложив руки к груди, томно сказала:

— Ой, кто к нам пришел? Тальянец, а мы тебя тут с самой зорьки ждем, все глаза сгядели. Где, думаем, краса наша ходит...

Горничная взяла пакет левой рукой, а правой изловчилась чертовка и быстро ущипнула Марко за щеку. Да так сильно, что мальчик вскрикнул и, ухватившись за больное место, отпрыгнул назад.

— Ты что это, совсем? Я вот пожалуйсь господину Джотто, а он пожалуйется Михаилу Федоровичу, получишь тогда по первое число... — выкрикнул мальчик, обнаруживая при этом звонкий чистый голос.

— Пожалуйся! Обязательно пожалуйся! И господин Джотто пускай пожалуйется! Уж больно охота получить по первое число! — не проговорила, пропела горничная.

Но Марко ее не слушал, он уже бежал на Почтовую, чтобы выполнить следующую доставку.

В это утро, как рассказывала на допросе судебному следователю Алтуфьеву горничная Варвара, все с самого начала пошло не так...

— Как не так? — спросил следователь, он допрашивал Канурову в своем кабинете на втором этаже судебной управы.

— Ну... — горничная вскинула глаза к потолку, — поначалу, когда проснулась... — она почесала конопатый нос, — то живот скрутило, сильно скрутило, так сильно, что разогнуться не могла...

— Дальше что? — холодно спросил следователь, глядя пронзительными светло-голубыми глазами. Яков Семенович Алтуфьев, тридцати четырех лет от роду, был человеком опытным, потому как состоял в этой должности более десяти лет и за эти годы перевидал всяких людей. Горничная Скворчанского не была для него загадкой. Он, как ему казалось, видел ее насквозь.

— Дальше отпустило, потом с приходящей кухаркой, царствие ей небесное, — горничная встала со стула и перекрестилась на висевший за спиной следователя портрет государя-императора, — поспорили...

— О чем был спор?

— Да из-за голубенькой тарелочки.

— И что?

— Ну, покойница, оно хоть и нельзя плохого говорить, а я все ж скажу, бывало, била посуду. Била, но всегда сознавалась, а тут ни в какую.

Не я, и все, да еще меня давай обвинять. Вот и поспорили.

— Дальше!

— Поспорили, потом помирились, шут с ней, думаем, с тарелкой этой, у Михаила Федоровича... — Горничная снова перекрестилась и шепотом добавила: — Денег много, еще купит...

— Отчего вы говорите шепотом? — спросил следователь.

— Так ведь, эта, чтобы Михаил Федорович не услышал...

— Михаил Федорович Скворчанский, по вашим же словам, мертв! Поэтому услышать вас он не может. Говорите нормально! — строго сказал Алтуфьев.

— Покойники, ваше благородие, они лучше живых слышат... — тихо проговорила Варвара и повела глазами из стороны в сторону.

Следователь знал: предрассудки и суеверия — вещь сильная и просто запретом их не победить. Иногда свидетели даже переставали давать показания, опасаясь, что будут за это наказаны духами. Поэтому Алтуфьев повел свою речь иначе:

— Михаил Федорович, он уж, наверное, на небесах. У него сейчас другие заботы, какие, не знаю, но уж точно не ходить по судейским кабинетам.

— Нет, — отрицательно мотнула головой горничная, — он не на небесах. Он, ежели знать хотите, и вовсе туда не попадет!

— Почему?

— Потому, — тихий голос Варвары стал еще тише, она поманила рукой следователя, — потому что он...

— Что? — Алтуфьев тоже заговорил шепотом и про себя чертыхнулся.

— Потому что он, — горничная сделала глубокий вдох и на выдохе прошипела: — мертвяк!

— Покойник?

— Нет, мертвяк. Покойники — это те, кто своей смертью умирают и в свой срок. А Михаила Федоровича отравили, и он стал мертвяком. А они на небо не попадают, они никуда не попадают, души их неуспокоенные тут, промеж нас, ходят. — Горничная обвела кабинет следователя руками, глаза ее сделались больше медных пятак. — Просто мы их не видим, потому как зрения у нас такого нету, а вот чувствовать чувствуем или слышим. То где-то что-то стукнет или вдруг ни с того ни с сего ветром подует, глядь, а окна-то закрыты...

Алтуфьев почувствовал, как какое-то легкое дуновение коснулось его левой щеки, и вздрогнул. Про себя подумал: «А ведь нагонит девка глупая страху, пора с этим заканчивать!» Вслух же успокоительно сказал:

— Хорошо, говорите шепотом. Итак, вы поспорили с кухаркой, потом помирились, что было дальше?

— Потом пришел мальчонка этот — Марко, посыльный от Джотто. Принес пирожные...

- Он принес их вовремя, не опоздал?
- Нет, точно в назначенное время. Я нарочно на часы в передней поглядела, было двенадцать минут девятого.
- Продолжайте.
- Взяла я у него пакет...
- Этот мальчик не показался вам каким-то странным, встревоженным?
- Да нет! — сразу, не думая, ответила Варвара. — Он был таким же, как всегда. Ну, может...
- Что? — спросил, точно выстрелил, Алтуфьев.
- Да нет, ничего, — отмахнулась горничная, — это я уж после всего случившегося сама придумываю, был обычным, как всегда. Взяла я, значит, пакет, посыльный убежал. Смотрю, а ленточка на узел завязана...
- И что с того? — не понял Алтуфьев.
- Ну как же? Всегда ленточки на пакетах бантиком завязывали, а тут узелок, да еще и затянутый. Я и огорчилась, вот, думаю, баба невезучая...
- Почему?
- Ленточку пришлось ножницами резать, а в тот день как раз моя очередь была.
- Ваша очередь резать ножницами?
- Да нет! — отмахнулась Варвара. — У нас договоренность была. Ленточки, которыми у Джотто пакеты с пирожными перевязывают, мы себе забирали. А что? Их все одно выбрасы-

вают. Один день я брала, а другой день — кухарка, а сегодня как раз моя очередь была...

— Значит, ленточки всегда были завязаны бантиком, а в этот раз вместо бантика был узелок. Я вас правильно понимаю?

— Верно, да еще как затянут! Я взялась зубами развязывать. Да куда там! А тут время завтрак подавать, вот и пришлось резать. Жалко, ленточка красивая...

— Она какого цвета, эта ленточка?

— Красная.

— Всегда красная?

— Всегда!

— А может, случилось так, что ленточка была другого цвета?

— Нет, — замотала головой Варвара, — всегда красная. Да у меня за это время сколько их скопилось, и все красные. В этом, ваше благородие, можете не сомневаться.

— Что же было дальше?

— Ну, разрежала я эту ленточку. На кухне рядом Акулина Ивановна стоит. Развернула, гляжу, а в пакете... — Горничная замолчала.

— Ну что, что в пакете? — стал торопить ее следователь.

— А там вместо двенадцати этих буше — пирожных — тринадцать штук. Ну я и оторопела. Думаю, к чему бы это число такое несчастливое? А кухарка и говорит, что нам же лучше, сами тринадцатое съедим, хоть узнаем, какой

вкус у заморских сладостей. Я и согласилась. Буше это разрезали напополам. Она сразу-то свою половину в рот запихала, жуёт и говорит: «Ой, вкусно-то как, теперь и помирать не страшно!» Я тоже хотела съесть, уже и руку протянула, да слышу, Михаил Федорович зовет завтрак подавать. Ну не явлюсь же я к нему в столовую с полным ртом? Пока хозяйину за столом прислуживала, слышу, вроде шум какой-то. Михаил Федорович говорит: «Сходи, посмотри, что там такое». Я бегом на кухню. Кухарка на полу лежит и ногами мелко дрыгает. Я к ней: что случилось, а она в ответ только булькает. Потом и вовсе дух испустила, померла, значит. Я к хозяйину доложить, прибегаю в столовую, а докладывать уж и некому. Хозяин тоже мертвый, вот как сидел на стуле, так лицом в пирожные эти окаянные и упал.

Горничная опустила голову и лицом коснулась подставленных ладоней.

— Вы сразу поняли, что и городской голова, и кухарка отравились пирожными? — спросил следователь, исподлобья глядя на Варвару.

— Нет, я про пирожные и не подумала... — ответила та простодушно.

— Почему же вы в таком случае не съели свою половинку?

— Да не до того было... — ответила горничная и осеклась. — А я ведь хотела съесть, хотела... это что ж выходит, Бог меня от смерти спас?

— Может быть, и Бог... — в задумчивости кивнул Алтуфьев и, пристально глядя на Канурову, закончил фразу: — а может, вы знали, что пирожные отравлены. — Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Да откуда я это могла знать? — не чувствуя никакой опасности в словах следователя, бросила Варвара.

— Откуда? — Следователь выбрался из-за стола и стал рассказывать по кабинету. — Вроде и неоткуда вам это знать, кроме одного...

— Чего?

— Если вы, мещанка Варвара Саввична Канурова, сами отравили эти пирожные! — Алтуфьев сказал это громко, стоя у горничной за спиной. От таких слов Варвара даже пригнулась и хотела было вскочить на ноги, но следователь скомандовал: — Сидеть! — И она послушалась.

— Это не я, не я это! — забормотала и затрясла головой Канурова.

— Поверю, если скажешь мне... — Алтуфьев снова сел за стол. — Почему ты не съела свою половинку?

— Так ведь я уж говорила, Михаил Федорович позвал завтрак подавать, а потом, потом... два мертвяка в доме, уж не до пирожного было. Я за кучером, за Савоськой, кинулась, чтобы в полицию мчался, сообщить. Из дому-то вышла, а назад входить боюсь. Так и простояла до приезда жандармов. Это они меня в дом и зата-

щили, я упиралась, так они силком, морды-то здоровые...

— С жандармами все понятно, — кивнул следователь, — меня другое интересует. Ты когда на улицу выбежала, чтобы за полицией послать, далеко от дома отошла?

— Нет, коляска-то у самого парадного стояла, я и крикнула кучеру, мол, гони в полицию, Михаила Федоровича убили.

— А после того как кучер уехал, ты где была?

— Ну где? Возле двери...

— Возле двери... — повторил за горничной Алтуфьев и удовлетворенно кивнул, — это хорошо, что возле двери. Значит, сможешь мне сказать, кто в дом входил?

— В какой дом?

— Ты дурака не валяй — «в какой дом»! — позабыл про всякую вежливость и предупредительность следователь. — В дом Скворчанского!

— Никто не входил! — мотнула головой Канурова.

— Тогда, может быть, кто-то выходил? — спросил тихо следователь.

— А кто может выходить? Ведь в доме, кроме двух покойников, никого не было...

— В доме никого не было... Никто не входил, не выходил... и вот совсем мне непонятно, куда делось тело Михаила Федоровича?

— Вот хоть убейте меня — не знаю! — выпалила Канурова. — Когда из дому выбегала, он за

столом сидел, лицом в пирожных, а кухарка на кухне лежала. А когда вошла с жандармами, то кухарка на месте, а Михаила Федоровича нету... Может быть, его черным ходом вынесли...

— Черным ходом? Нет, не получается! Черный ход был заперт изнутри, — проговорил в раздумье следователь. — Если ты, конечно, не вошла в дом и не заперла его...

— Да вот вам крест святой, не входила... — Горничная хотела вскочить, но Алтуфьев вялым взмахом руки остановил ее.

— Сиди! — И со вздохом добавил: — Придется мне тебя, Варвара, задержать. Посидишь у нас в арестантской комнате, пока мы тут не разберемся что к чему и, главное, куда городской голова делся.

